

ГЛАВА 1

Наш весьма разнородный класс, состоявший из сорока учащихся, в жаркий полдень парился на уроке географии в Бакинской русской императорской гимназии: тридцать мусульман, четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский.

До сих пор мы не слишком-то задумывались о необычном географическом положении нашего города. Теперь же профессор Санин монотонно и без особого воодушевления повествовал о том, что «естественные границы Европы обозначены Северным Ледовитым океаном на севере, Атлантическим — на западе и Средиземным морем — на юге. Восточная граница Европы проходит через Российскую империю по Уральским горам через Каспийское море и далее — через Закавказье. Некоторые ученые относят южные склоны Кавказских гор к Азии, другие же полагают, что страну следует рассматривать как часть Европы, учитывая культурное развитие Закавказья. Поэтому, дети мои, можно сказать, что отчасти и вы ответственны за то, будет ли наша страна принадлежать к прогрессивной Европе или реакционной Азии».

Профессор самодовольно улыбался. Мы притихли на некоторое время, охваченные глубиной высказываний и грузом ответственности, внезапно свалившимися на наши плечи.

Мухаммед Гейдар, сидевший на задней парте, поднял руку:

— Профессор, мы, пожалуй, останемся в Азии.

Ученики разразились смехом. Мухаммед Гейдар отсиживал второй год в третьем классе, и пока Баку принадлежал Азии, существовала вероятность, что это снова повторится, ибо министерский указ позволял местным жителям азиатской части России оставаться на второй год, сколько им заблагорассудится.

Профессор Санин, облаченный в шитый золотом мундир преподавателей русской гимназии, нахмурился:

— Значит, Мухаммед Гейдар, вы желаете остаться в Азии? Может, хоть обоснуете свое решение?

Мухаммед Гейдар смущенно встал, но не произнес ни слова. Он стоял с открытым ртом, морща лоб и бессмысленно тараща глаза. И пока четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский наслаждались его тупостью, я поднял руку и произнес:

— Господин профессор, я бы тоже остался в Азии.

— Али хан Ширваншир! И вы! Ну хорошо, выйдите к доске. — Профессор Санин выпятил нижнюю губу, тихо проклиная судьбу, сославшую его на берег Каспия. Затем он откашлялся и помпезно произнес: — Можно ознакомиться с вашими доводами?

— Мне больше по душе Азия.

— В самом деле? А вы были когда-нибудь в действительно отсталых странах, в Тегеране, например?

— Ну да, прошлым летом.

— Отлично. И вы обнаружили там какие-либо приобретения из европейской культуры, например автомобили?

— Да, и довольно приличные, между прочим. Вмещающие тридцать и более людей. Они курсируют не в черте города, а между регионами.

— Так это автобусы, их используют за неимением железных дорог! А это — признак отсталости. Вам лишь бы поспорить. Садитесь, Ширваншир.

Я почувствовал ликование тридцати азиатов по взглядам, которыми они меня наградили. Профессор Санин угрюмо молчал. От него требовалось сделать из нас добропорядочных европейцев. Он вдруг обратился с новым вопросом:

— А был ли кто-нибудь из вас, к примеру, в Берлине?

Профессору явно не везло в этот день — сектант Майков поднял руку и сообщил, что был в Берлине в детстве. Он отчетливо помнил затхлый запах жуткого метрополитена, шумную железную дорогу и сэндвич с ветчиной, который ему приготовила мама.

Мы, тридцать мусульман, возмутились. Сеид Мустафа даже попросил разрешения покинуть комнату, почувствовав тошноту при слове «ветчина». На этом наше обсуждение Баку и его географического положения завершилось.

Прозвенел звонок. Профессор Санин с облегчением покинул комнату.

Сорок учеников выбежали на улицу. Началась большая перемена, во время которой можно было предаться трем занятиям: выскочить в школьный двор и затеять драку с учениками соседней школы из-за того, что те носили золотистые кокарды на форменных фуражках, в то время как нам приходилось довольствоваться серебристыми, или начать громко говорить по-азербайджански, поскольку русские его не понимали, и поэтому во время занятий в классе он был под запретом, или быстренько перебежать улицу и проникнуть в женскую гимназию Святой царицы Тамары. Я решил остановиться на последнем.

Девочки прогуливались в саду, облаченные в скромные синие форменные платья и белые передники. Кузина Айша помахала мне. Она степенно шла под руку с Нино Кипиани, а Нино Кипиани была самой красивой девочкой в мире. Когда я рассказал кузине и ее подруге о своей схватке на уроке географии, самая красивая девочка в мире посмотрела на меня с высоты своего величия и заявила:

— Али хан, ты дурак. Слава богу, что мы в Европе. Если бы мы были в Азии, меня давно бы заставили ходить в чадре и ты никогда не увидел бы моего лица.

Я сдался. Спорное положение Баку действительно подарило мне благосклонность самых красивых в мире глаз. Я оставил девочек и уныло прогулял остаток дня. Я смотрел на верблюдов, на море, думал о Европе и Азии, о прекрасной Нино и грустил. Ко мне подошел нищий со скрюченными от болезни пальцами. Я дал ему денег, и когда он попытался

поцеловать мне руку, испугался и вырвал ее. Через десять минут мне показалось, что я оскорбил этого нищего. Я принялся его искать, чтобы исправить свою оплошность, но не нашел и побрел домой с нечистой совестью.

Все это случилось пять лет назад.

За эти годы произошло много событий. Прибыл новый директор гимназии, которому нравилось хватать нас за ворот и трясти, поскольку драть учеников за уши было строго запрещено. Наш религиозный наставник подробно объяснил нам, как милостив был Аллах, позволив нам родиться мусульманами. В класс пришли двое армян и один русский, а два мусульманина ушли от нас: один из-за того, что в шестнадцать лет женился, а второй во время каникул был убит в кровавой родовой драке.

Я, Али хан Ширваншир, трижды побывал в Дагестане, дважды в Тифлисе, один раз в Кисловодске, один раз в гостях у своего дяди в Иране, и меня чуть не оставили на второй год в гимназии из-за того, что я не мог отличить герундий от герундива. Мой отец отправился за советом в мечеть к мулле, который заявил, что вся эта латынь — полная чушь. В связи с чем отец надел все свои турецкие, иранские, русские ордена и направился к директору гимназии, которому подарил какое-то химическое оборудование, и я таки перешел в следующий класс. В гимназии было объявлено строгое табу на ношение учащимися заряженных револьверов, в городе провели телефоны, а Нино Кипиани по-прежнему оставалась самой красивой девочкой в мире.

Теперь все подходило к концу, до выпускных экзаменов оставалась неделя, и я проводил дни дома или просиживал их за размышлениями о бесполезности преподавания латыни на берегу Каспия. Я любил свою комнату на втором этаже. Стены были покрыты коврами темных расцветок, привезенными из Бухары, Исфахана и Кашана. Узоры, сотканые в виде садов и озер, лесов и рек передавали мысли мастерицы — непонятные глазу дилетанта и удивительно красивые для ценителя. В далеких степях женщины собирали растения для этих красок, выжимали длинными гибкими пальцами сок колючих кустарников. Секрет смешивания этих нежнейших красок хранится веками, а мастерица зачастую творит шедевр десятилетиями. Затем ковер вывешивается на стену, демонстрируя символы и намеки, сцены из охоты, битвы и орнаменты в виде строк Фирдоуси или мудрых высказываний Саади...

Из-за обилия паласов и ковров комната кажется темной. Здесь есть низкий диван, две небольшие скамеечки с перламутровой инкрустацией, множество мягких подушечек, и среди всего этого — крайне неуместные и бесполезные учебники, изданные на Западе: по химии, физике, тригонометрии — бред, изобретенный варварами, желавшими прослыть цивилизованными. Я закрыл книги и поднялся на плоскую крышу дома. Отсюда я мог лицезреть свой мир, массивную стену городской крепости и руины дворца с арабскими надписями на воротах. По лабиринтам улиц проходили верблюды с такими тонкими лодыжками, что мне хотелось погладить их. Передо мной

высилась припавшая к земле Девичья башня, обросшая легендами и путеводителями. За крепостью начиналось море — безликий, темный, непостижимый Каспий, а за ним простиралась пустыня — зубчатые камни и низкая поросль: тихая, безмолвная, непокоренная — самый красивый в мире пейзаж. Я тихо сидел на крыше дома. Какое мне дело до существования других городов, крыш и пейзажей? Я любил ровное море, плоскую пустыню и старый город, раскинувшийся между ними. Шумная толпа, прибывшая в поисках нефти, находит ее, обогащается и вновь уезжает. Это не истинные жители Баку, они не любят пустыню.

Слуга принес чай. Я пил его и думал об экзамене. Нет, он не беспокоил меня. Конечно же, я его сдам. Но даже если не сдам, какое это имеет значение? Крестьяне в наших поместьях будут говорить, что я так люблю ученье, что не смог заставить себя покинуть обитель знаний. Да и действительно жаль расставаться со школой. Серая форма с серебряными пуговицами, эполетами и кокардой выглядела действительно торжественной, нарядной. Мне будет неуютно в штатском, хотя и не придется носить его долго. Только одно лето, после чего я поеду в Москву поступать в Институт восточных языков имени Лазарева. Я сам пришел к такому решению, потому что в этой области я в тысячи раз превзойду русских. Им придется очень туго в вопросах, которые мне даются сами собой. А форма студентов Лазаревского института — самая лучшая: красный плащ с воротом, шитым золотом, тонкая позолоченная шпага и лай-

ковые перчатки, которые можно не снимать даже в будние дни. Мужчина должен носить форму, иначе русские начнут презирать его. А если русские станут меня презирать, Нино не выйдет за меня замуж. Но я должен жениться на Нино, даже если она христианка. Грузинки — самые красивые женщины в мире. А что, если она откажет мне? В таком случае отважные джигиты перебросят ее через седло моего скакуна, и мы помчимся к иранской границе, в Тегеран. Там она смягчится, что же еще ей останется?

Такой красивой и спокойной казалась жизнь с крыши нашего дома в Баку...

Наш слуга Керим тронул меня за плечо: «Пора». Я поднялся. На горизонте за островом Наргин появился пароход. Если верить клочку бумаги, доставленному телеграфистом-христианином, на пароходе должен был прибыть мой дядя в сопровождении трех жен и двух евнухов. Нужно было встретить его. Я сбежал вниз по лестнице к стоящему фаэтону, и мы помчались к шумному порту. Дядя был знаменитым человеком. Насреддин-шах милостиво удостоил его почетного звания «Ассад-эд-Довле» — «Лев империи», и обращаться к нему разрешалось только так. У него было три жены, множество слуг, дворец в Тегеране и обширные поместья в Мазендеране. Он приехал в Баку из-за болезни самой младшей из жен, Зейнаб. Ей было только восемнадцать лет, и дядя любил ее больше других жен. Однако она была бесплодной, а дядя ждал наследника только от нее. Ни амулеты дервишей из Кербелы, ни волшебные заклинания мудрецов Мешхеда, ни опыт пожилых женщин, пре-

жиры заторопились на берег: русские, армяне, евреи так спешили, как будто боялись потерять лишнюю минуту. Дяди не было. Спешка от шайтана, поговаривал он.

Только после того как высадились все пассажиры, на палубе появился Лев Империи. На нем были плащ на шелковой подкладке, небольшая меховая шапочка и башмаки. Его густая борода и ногти были выкрашены хной в знак поклонения имаму Хусейну, который тысячу лет назад проливал кровь во имя истинной веры. Маленькие глаза дяди выглядели уставшими, а движения — замедленными. За ним суетливо следовали три фигуры, укутанные в черную чадру, — жены. Далее шли евнухи: один с лицом как у высушенной мудрой ящерицы, другой — небольшой, обрюзгший и гордый тем, что ему доверено оберегать честь его превосходительства. Дядя медленно спустился. Я обнял его, почтительно поцеловав в левое плечо, хотя, строго говоря, в общественном месте это было излишне. На жен я не взглянул. Мы сели в фаязтон. Жены и евнухи последовали в отдельных закрытых повозках. Картина была столь внушительной, что я велел извозчику повезти нас в объезд по бульвару, чтобы весь город мог восхищаться величиим моего дяди.

Нино стояла на бульваре и с улыбкой смотрела на меня. Дядя поглаживал бороду, спрашивал о новостях в городе.

— Ничего особенного, — сказал я, поскольку знал, что нужно начинать с несущественных вопросов и лишь некоторое время спустя переходить на более серьезные. — Дадаш-бек на прошлой неделе

на смерть убил Ахундзаде из-за того, что Ахундзаде осмелился появиться в городе после похищения жены Дадаш-бека восемь лет назад. Он был заколот в день возвращения. Теперь полиция ищет Дадаш-бека. Но они не найдут его, хотя все знают, что он прячется в поселке Мардакян. Аксакалы говорят, что Дадаш-бек поступил правильно.

Дядя в знак согласия кивал.

— Еще какие новости? Русские обнаружили много нефти на Биби-Эйбате. Знаменитая фирма «Нобель» привезла большую машину из Германии, чтобы засыпать часть моря и бурить там.

Дядя очень удивился.

— Аи, Аллах, Аллах, — произнес он и поджал губы...

— Дома все в порядке, и через неделю, иншаллах*, я покину обитель знаний.

Я продолжал говорить, а старик внимательно слушал. Лишь когда фэтон подъехал к нашему дому, я посмотрел в сторону и равнодушно произнес:

— В город приехал знаменитый врач из России. Люди говорят, он действительно сведущ, читает прошлое и настоящее по лицу, может предсказывать будущее.

Дядя ехал с закрытыми в тоскливом величии глазами. Он довольно равнодушно поинтересовался фамилией врача, и я почувствовал, что угодил ему. Ибо все это называлось хорошими манерами и аристократическим воспитанием.

---

* Если пожелает Аллах (араб.).

ГЛАВА 2

Отец, дядя и я сидели, поджав по-турецки ноги, под навесом на плоской крыше, устланной мягкими, причудливо разрисованными коврами. За нами стояли слуги с фонарями в руках. Перед нами были разложены восточные яства: медовые лепешки, засахаренные фрукты, шашлыки и рис с курицей и кишмишем. Я, как всегда, восхищался утонченностью отца и дяди. Не двигая левой рукой, они отрывали большие куски черного лаваша, заворачивали его и подносили ко рту. Дядя с исключительным изяществом погружал пальцы правой руки в жирный дымящийся плов, сжимал рис в комочек и отправлял его в рот, не уронив при этом ни единого зернышка. И почему русские так кичатся умением есть с помощью ножа и вилки? Даже самый последний дурак мог бы научиться этому в течение месяца. Я легко управляюсь с ножом и вилкой и знаю, как подобает вести себя за европейским столом. Однако вкушать многие восточные блюда с отточенным аристократическим изяществом, как отец и дядя — с помощью указательного, среднего и большого пальцев правой руки, не роняя ни единого кусочка

даже в ладонь, — мне пока не удастся. Нино называет нашу манеру трапезничать варварской. В доме Кипиани всегда едят по-европейски, за столом. Мы же едим за столом лишь во время приема русских гостей. Нино ужасается, представив, как я сижу на полу, орудуя руками. Она забывает, что ее собственный отец впервые взял в руки вилку в двадцать лет.

Трапеза закончилась. Мы ополоснули руки, и дядя произнес молитву. Затем остатки еды унесли и подали крошечные чашки с крепко заваренным, темным чаем. Как полагается пожилым людям, после обильной пищи дядя стал немного болтливым и завел беседу. Отец не особенно участвовал в разговоре, а я по обычаю вообще молчал. Как всегда, приехав в Баку, дядя рассказывал о временах правления Насреддин-шаха, когда он сам играл важную, хотя и не очень мне понятную роль при дворе:

— Тридцать лет я пользовался благосклонностью шахиншаха. Трижды его величество брал меня с собой в поездки за границу. За эти поездки я, как никто другой, познакомился с миром неверных. Мы посетили дворцы королей и кайзеров и встретились с самыми знаменитыми христианами того времени. В странном мире они живут, а самое странное то, как они обращаются со своими женщинами. Женщины, особенно жены кайзеров и королей, разгуливают голышом по дворцу, и никто не возмущается. Возможно, оттого, что христиане — ненастоящие мужчины, а может, и по другой причине, то ведает лишь Аллах. Однако, в противовес этому, неверные возмущаются вполне безобидным вещам. Однажды его величество пригласили

на банкет в царском дворце. Царица села рядом с ним. На блюдо его величества положили кусок цыпленка. Следуя этикету, его величество очень элегантно захватил этот лакомый жирный кусок тремя пальцами и положил его на блюдо царицы. Царица так испугалась, что побледнела и принялась покашливать. Позже мы услышали, как многие придворные и князья в царском дворце были шокированы любезностью шаха. Вот как низко ценят европейцы своих женщин! Они демонстрируют их наготу всему миру, не утруждая при этом себя учтивостью. После трапезы французскому послу позволили обнять царицу и кружить ее в зале под звуки ужасной музыки. Сам царь и офицеры его гвардии видели это, однако никто не встал на защиту царской чести. В Берлине мы видели более странные вещи. Нас пригласили в оперу на «Африканку». На сцене стояла и отвратительно пела жирная женщина. Кайзер Вильгельм заметил это и прямо на месте наказал певицу. В последнем акте пришли негры и устроили погребальный костер. Женщине завязали руки и ноги, после чего тело было предано медленному сожжению. Нам очень понравилось. Позже кто-то сказал, что костер носил лишь символический характер. Но мы не поверили этому, потому что женщина орала прямо как еретичка Куррат-уль-Айн, которую шах велел сжечь в Тегеране перед нашей поездкой.

Некоторое время дядя сидел тихо, погруженный в мысли и воспоминания. Затем он глубоко вздохнул и продолжил:

— Я лишь одного не могу понять в христианах. У них лучшее оружие, лучшие солдаты и самые лучшие